

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XIX

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

Б. И. Клюев

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПАРТИКУЛЯРИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ИНДИИ

После достижения Индией независимости одной из основных форм национальных движений в этой стране была борьба за создание лингвистических (а по существу национальных) штатов. Известная административная реформа 1956 г., проведенная в целом по национально-языковому принципу, была большим шагом на пути демократического решения национального вопроса. Однако процесс национально-языкового размежевания не был завершен этой реформой. В 1956—1972 гг. были созданы штаты Махараштра, Гуджарат, Нагаленд, Пенджаб, Хариана, Мегхалая и др. В январе 1972 г. союзные территории Манипур и Трипура были преобразованы в штаты, а территории Северо-Восточного пограничного агентства и племенные мизо получили статус союзных территорий.

Стремление того или иного народа добиться для своей территории статуса штата свидетельствует о том, что этот статус в современной Индии обладает высоким престижем. Причину легко объяснить. Лингвистические штаты стали центрами активного развития национальной жизни. Их правительства осуществляют меры по расширению социальных функций национальных языков, по подъему и пропаганде национальной культуры, по развитию экономики. Правительства штатов играют возрастающую роль в политической жизни страны.

Эти обстоятельства содействуют тому, что представители того или иного народа ставят вопрос или выдвигают требование о выделении населяемой им территории в самостоятельную административно-политическую единицу, предпочтительно в виде лингвистического штата. Однако лозунги создания штатов выдвигают не только сторонники этно-лингвистического самоопределения, но и политически активные группы — элиты, возглавляющие социальные общности самого различного характера и происхождения, в том числе религиозно-общинные, кастовые, региональные. Перед элитой, взявшей в свои руки контроль над административно и политически организованной территорией, т. е. штатом, права и привилегии которого закреп-

лены в Конституции Индии, открываются широкие возможности. С точки зрения групповых интересов само по себе выдвижение требования о создании отдельного штата даже без надежды на его удовлетворение позволяет применять весь комплекс политических мероприятий для привлечения к себе внимания — от заявлений для прессы до публичных голодовок, от создания комитетов до массовых демонстраций. Эти мероприятия часто позволяют их инициаторам ближе подойти к прямому воздействию на массу избирателей. Даже достижение компромисса расценивается такими группами как успех. Поэтому и появляются требования о создании «кастовых», «общинных», «княжеских» и «региональных» штатов.

Подобные требования, выдвигаемые в результате субъективных устремлений определенных социальных групп, имеют объективные предпосылки.

Внутри многих национальных штатов Индии (даже с единообразным национальным составом) продолжает существовать деление на регионы. «Внутри каждого лингвистического штата,— пишет известный индийский социолог М. Н. Сринивас,— существуют меньшие по размеру регионы, внутренне более единообразные, которые высоко ценят свою самобытность. Соперничество между небольшими регионами внутри штатов является таким же фактом современной политической жизни Индии, как и споры между различными штатами. На главных министров штатов оказывается давление с целью получить те или иные блага для какого-то региона, который считает, что его интересами пренебрегают» [23].

Неравенство экономического развития, хозяйственных условий, идеализация прошлого в рамках другой административной единицы, поддерживаемая политической, сословной и чиновничьей элитой, которая занимает руководящее положение в регионе, различия в традициях и культуре — все это создает возможность для сохранения, а иногда и оживления местнических настроений, настроений партикуляризма («регионализма» — по терминологии, принятой в Индии) внутри национальных штатов. Партикуляризм выражается в разных формах, но чаще всего — как неписаное правило пропорционального представительства элиты регионов в правительстве и административном аппарате штата. «После победы на выборах уроженец Видарбхи В. П. Наик во второй раз стал главным министром Махараштры, нарушив *обычай* (курсив мой.— Б. К.) региональной смены главных министров, представлявших последовательно три региона Махараштры — Западную Махараштру, Маратхваду и Видарбху. Выход был найден: два новых заместителя главного министра были назначены от двух других регионов» [9, 17.III.1967].

В Раджастанхана «в правительстве штата представлен 21 дистрикт. Если учесть посты председателя комитета обще-

ственных финансов и председателя комитета по второстепенным законодательным актам, то окажется, что представителям 23 из 26 дистриктов предоставлены важные должности» [17, 10.IX.1967]. Столь же тщательно производится подсчет представителей от Теленганы и Андхры в правительстве и государственных учреждениях штата Андхра-Прадеш.

Региональное представительство не закреплено законом (хотя есть и исключения, например Теленгана). Чаще всего это обычай, установившийся на базе соотношения сил между ведущими политическими, общинными, кастовыми и другими группами. Для поддержания и усиления своего влияния представители таких групп стремятся найти поддержку у населения региона, активно используя местные проблемы, настроения и предрассудки. От обычая регионального представительства и поисков массовой поддержки в своем регионе всего лишь один шаг к требованию его административно-политического выделения.

«В некоторых частях страны, — продолжает М. Н. Сринивас, — существуют сублингвистические движения, которые основываются на диалектных или культурно-исторических различиях. В настоящее время эти движения не столь сильны (это писалось до событий в Теленгане в 1969 г. — Б. К.): против них выступают устойчивые интересы штата в целом. Они тем не менее существуют и при благоприятных условиях могут развиться в мощные движения. Если это произойдет, лингвистические штаты окажутся разделенными на меньшие по размерам единицы. С точки зрения центра, это будет полезно. Но такие движения приведут к общей нестабильности на несколько лет».

Перерастание местнических настроений в требование отдельного штата далеко не всегда обусловлено этно-лингвистическими факторами. Более того, стремление региональной элиты выделить свой регион в отдельный штат, где она рассчитывает захватить власть, часто вообще не связано с принципом территориально-языкового размежевания. Борьба идет вокруг территории и политического контроля над ней вне зависимости от этнического состава населения.

Наиболее показательны, по нашему мнению, партикуляристские настроения в регионах Махараштры и Гуджарата, экономически развитых штатов, а также Андхра-Прадеша, считающегося в Индии штатом отсталым.

Штат Махараштра был создан в 1960 г., т. е. через четыре года после общей административной реформы, в результате упорной борьбы широких слоев маратхского населения. Он возник после раздела двуязычного штата Бомбей на два штата — Махараштру и Гуджарат.

По уровню национального самосознания маратхи занимают в Индии одно из первых мест. Большую роль сыграл в этом

языковой фактор. «Язык маратхи и литература на этом языке являются главной основой, объединяющей народ Махараштры», — отмечает автор-маратх [1, 249]. А вот мнение автора-немаратха:

«Немногие языки могут гордиться такой непосредственной связью с историей, культурой и повседневной жизнью, как маратхи... Язык объединяет маратхов в большей степени, чем все другие этнические группы Индии. Эти группы любят свой язык за его достижения в области литературы. Но язык маратхи, сыгравший роль основы при создании штата Махараштра, имеет более глубокие корни, уходящие в борьбу народа против могольского господства, в борьбу за свободу религии, за создание образа жизни, основанного на связях с массами, и, что важнее всего, в борьбу в недавнем прошлом против англичан — самого сильного противника... Таким образом, маратхи — это не просто язык в обычном смысле слова, а один из наиболее сильных геополитических компонентов в индийской жизни» [22, 32—33].

По ряду причин маратхи обладает особенностями, отличающими его от соседних индоарийских языков. Бимз, Гирсон и позднейшие исследователи отмечают своеобразие маратхи, развившееся вследствие географической обособленности маратхов от соседей в течение нескольких веков. Соседи-гуджаратцы, а тем более каннада не понимают маратхи. Это обусловило появление четкой языковой границы между маратхи и соседними языками без переходных диалектов, за исключением Северо-Востока, где маратхи через диалект халаби переходит в чхаттисгархи — диалект хинди. В пограничных районах маратхское и немаратхское население смешано территориально, но в языковом отношении остается обособленным.

Далее, для маратхи характерно преобладание общих черт над диалектными различиями. Исследователи выделяют несколько групп говоров маратхи — бомбейского конкана, хандеши, нагпури и варахади. Последние два примерно соответствуют регионам Видарбха и Маратхвада. Данные переписей показывают, что маратхи хорошо понимают единство своего языка.

Говоря о единстве маратхи, необходимо учитывать следующие обстоятельства. В настоящее время стандартный маратхи опирается на диалект г. Пуны и его окрестностей. Этот город, находящийся примерно в 120 км к юго-востоку от Бомбея, был столицей Маратхской конфедерации с 1735 г. до 1817 г., когда последний пешва капитулировал перед англичанами. Город был и в значительной степени остается до настоящего времени важнейшим политическим, экономическим и культурным центром маратхов, тогда как Бомбей с самого начала рассматривался как «космополитический», многонациональный город, не имевший явно выраженного маратхского характера. Роль Пуны в

истории маратхов обусловила выделение диалекта этого района в качестве основы современного языка.

Однако, по мнению индийских исследователей, на ранних этапах истории маратхов центром консолидации их этнической общности был регион Видарбхи. Именно в этом регионе, населенном кланом бходжа, видимо, возникла первая маратхская государственность. Лишь впоследствии политический центр переместился в район Пуны, населенный кланом раштракутов, давших название всей этнической общности. В ходе этого процесса произошло смещение диалектной базы, расширившее основу стандартного языка и придавшее ему характерный наддиалектный облик.

Другим фактором, содействовавшим нивелировке диалектных различий и наддиалектности литературного стандарта, служили частые передвижения маратхов по своей этнической территории в эпоху Шиваджи и Маратхской конфедерации. При перемещениях маратхского войска и следовавших за ним купцов и ремесленников происходило взаимодействие разных форм маратхской речи и распространение пунского диалекта. Его носители, оседавшие в других частях страны, оказывали сильное влияние на язык окружающего населения.

Большое воздействие на язык оказала непрерывная литературная традиция, восходящая к II—III вв. Уже в эпоху литературных пракритов махараштри выдвинулся на первое место в качестве средства литературного выражения, выйдя далеко за пределы этнической территории маратхов. Об этом свидетельствуют древние грамматики: «Махараштри как основной пракрит ставился на первое место, и его основные фонологические и морфологические характеристики детально описывались. Остальные языки описывались как примеры исключений из правил, принадлежавших пракриту махараштри» [16, 28].

Следует упомянуть также о популярности даже в самых глухих уголках маратхских земель произведений национальных поэтов средневековья — Днянешвара (1275—1296), Намадева (1270—1350), Тукарама (1598—1649), Рамдаса (1608—1680). Религиозные по форме произведения этих поэтов богаты социальным содержанием. В них отвергается брахманская ортодоксальность, деление общества на касты и провозглашается равенство всех людей. Многие из высказанных в этих произведениях идей созвучны проблемам современного маратхского общества.

Язык маратхи издавна употреблялся в деловой и торговой переписке. В XII в., при правителях из маратхской династии Ядавов, он становится языком двора. Язык маратхи использовался с XVI по XVIII в., что подтверждается историческими хрониками, написанными на скорописном алфавите моди (с XVIII в. в маратхи используется алфавит деванагари, называемый в Махараштре бальбодх). Лишь при англичанах ма-

ратхи был вытеснен из официального употребления и заменен английским языком. В годы независимости, особенно после создания штата Махараштра, общественные функции языка маратхи снова расширяются.

Это давнее и большое значение языка и литературы маратхи объясняет, почему инициатором внесения организованности в национальное движение маратхов выступило в 1946 г. Маратхское литературное объединение.

Движение приобрело массовый и наступательный характер к концу 50-х годов, когда в нем приняли активное участие широкие слои трудящихся в городах Махараштры. Через несколько лет после создания штата в движении маратхов появились признаки национализма и шовинистической нетерпимости к представителям других национальностей, что привело к возникновению «Шив сены». Одновременно с проявлениями крайнего буржуазного национализма активизировались силы местничества в отдельных регионах штата, выступившие с лозунгами автономии.

Столь противоречивый характер маратхского национального движения, породивший противоположные тенденции, объясняется прежде всего спецификой национальной структуры буржуазии штата Махараштра и в известной степени многонациональным характером рабочего класса и городских средних слоев. Ведущая экономическая роль в этом районе издавна принадлежит немаратхской буржуазии. Еще во времена империи Великих Моголов здесь оседали выходцы из других районов — марвари, гуджаратские банья, парсы, занимавшиеся ростовщичеством, торговлей, банковскими операциями, откупам. С приходом англичан и развитием капиталистических отношений эти группы быстрее всех перешли к крупному предпринимательству и компрадорским операциям, сосредоточив в своих руках огромную по индийским масштабам экономическую мощь.

Быстрый рост промышленности и торговли сделал Бомбей, Нагпур, Шолапур и другие города Махараштры центрами притяжения рабочей силы, людей свободных профессий, чиновников, ремесленников, мелких предпринимателей, выходцев из отдаленных районов Северной и Южной Индии. Если не говорить о единичных случаях, маратхские купцы, банкиры и откупщики главным образом из брахманских каст появились лишь в XVIII в., в период подъема феодального государства маратхов. Развитие мануфактурного производства привело к рождению мелких предпринимателей из разбогатевших представителей маратхских ремесленных каст. «Маратхская буржуазия формировалась по преимуществу как мелкая торговая и мануфактурная буржуазия, — пишет В. И. Павлов. — Переход ее на высшие стадии предпринимательства тормозился колониализмом... Поэтому объективные интересы мелкой маратхской буржуазии, несмотря на присущие ей религиозно-об-

щинную и кастовую ограниченность отдельных представлений и архаичность форм идеологии, толкали ее на непримиримую борьбу с империализмом» [4, 262—263]. Растущий рабочий класс Махараштры, участвуя в национально-освободительной борьбе, одновременно все активнее выступал против капиталистической эксплуатации. Таким образом, до освобождения от колониальной зависимости вопросы национальной консолидации занимали у политически активных слоев маратхского общества подчиненное положение.

После завоевания независимости Индией маратхское национальное движение столкнулось с рядом трудностей. Маратхские территории были раздроблены между несколькими административными единицами. Крупная бомбейская буржуазия стремилась усилить разногласия между различными направлениями маратхского движения и содействовать росту местнических настроений. Она добивалась также отделения Бомбея от Махараштры на том основании, что этот город является «космополитическим» торговым, финансовым и промышленным центром общендийского значения, потерявшим маратхский характер и маратхское большинство населения (в 1961 г. маратхи в Бомбее составляли 44 %).

В. И. Казаков подробно показал, каким образом мелкобуржуазному по своему характеру национальному движению маратхов удалось преодолеть объективные трудности и сопротивление крупной индустриальной буржуазии. Движение на завершающем этапе стало массовым и организованным. Решающее значение имело участие в нем широких масс трудящихся в городах Махараштры, для которых борьба за маратхский штат ассоциировалась с борьбой против общендийского эксплуататора — гуджаратско-марварийской буржуазии, т. е. имела классовый смысл. Трудящиеся массы, мелкая и средняя маратхская буржуазия, влиятельная земледельческая каста — сословие маратха связывали борьбу за свой штат с надеждами на быстрое улучшение своего положения [2, 179].

Нынешний штат Махараштра традиционно делится на четыре региона: Западная Махараштра, или Деш («страна»), т. е. собственно Махараштра; прибрежный Конкан; Видарбха — четыре дистрикта области Нагпур, входившие до 1960 г. в состав штата Мадхья-Прадеш; Маратхвада — пять дистриктов области Аурангабад, бывшие частью княжества Хайдарабад. Между этими регионами существуют различия в климатических, природных и демографических условиях, а также в уровне развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Например, доход на душу населения в среднем по штату составлял в начале 60-х годов 292 рупии, в Западной Махараштре — 345, а в Маратхваде — только 174 рупии [17, 1.XI.1964].

По развитию промышленности (по данным 1960 г.) далеко вперед ушел округ Бомбей, вернее Большой Бомбей, где скон-

центрировано 70% промышленных предприятий штата и 72,8% рабочих. Наиболее отсталыми являются Маратхвада (5,9% промышленных предприятий и 4,1% рабочих) и Конкан (без Бомбея) [22, 117]. В сфере сельского хозяйства регионы различаются по системам землевладения. В Западной Махараштре и Конкане преобладает система райатвари — мелкое и среднее крестьянское землевладение, а в Видарбхе — крупное помещичье с более высокой арендной платой. В Маратхваде до последнего времени сохранялись формы крупного феодального землевладения — джагирдари и мальгузари.

Многие исследователи физико-географического и экономического районирования Индии при описании Западной Индии не включают в состав Махараштры Видарбху и Маратхваду. «Прежнее административное деление, принятое в 1950 г., — пишет Л. А. Княжинская, — лучше отражает характерные особенности Западной Индии как экономико-географического хинтерланда города Бомбея... В связи с этим маратхские округа Центральной Индии, вошедшие в штат Бомбей в его современных границах, в описание нами не включены, так как в экономико-географическом отношении они в настоящее время больше тяготеют не к Бомбею, а к Нагпуру — самостоятельному районообразующему центру» [3, 6—7].

С. Д. Дешпанде также считает, что «Бомбейская Махараштра в силу ее современного состояния не может быть частью исторической Махараштры. Она отлична от прочих местностей Индии, население которых говорит на языке маратхи» [1, 255]. Т. М. Шарма в Западную Индию включает Деш и Конкан, а в район Центральных провинций и Хайдарабада — Видарбху и Маратхваду [6, 55]. Спейт в своей схеме регионального деления Индии разделяет Махараштру на четыре региона, примерно соответствующие описанным выше [5, 670].

Хозяйственные связи между регионами Махараштры, конечно, существуют. Продукция Бомбея и Пуны издавна направлялась в самые различные районы штата, в том числе и в Маратхваду, хотя она и была отделена таможенной границей княжества Хайдарабад. Видарбха снабжает бомбейский промышленный район хлопком и другими техническими культурами, а также продовольствием. В перспективе, по мере освоения залежей полезных ископаемых, развития транспорта и промышленности, взаимодополняемость регионов Махараштры должна возрасти, но существующие хозяйственные связи еще недостаточны для ускоренной консолидации национального района маратхов и преодоления регионализма.

За несколько лет до создания Махараштры Дешпанде беспокоился по поводу того, что «предполагаемые провинции (Махараштра и Гуджарат. — Б. К.), по всей вероятности, нарушат внутренние экономические связи Западной Индии» [1, 254]. Определенное нарушение связей, конечно, произошло, но создание

маратхского штата более четко определило границы национального рынка и открыло возможность со временем ускорить развитие устойчивых связей внутри национального района. Газета деловых кругов «Экономик таймс», издающаяся в Бомбее, в большой корреспонденции из Нагпура отмечала, например, что ткачам Видарбхи нужно помочь не только в получении сырья, но и в «обеспечении постоянных рынков для готовых товаров не только в Видарбхе, но и за ее пределами, то есть во всей Махараштре» [10, 20.X.1966].

Влияние на общий климат национальной жизни в штате оказывает также значительный разрыв между городом и деревней. В маратхской деревне стремление к обладанию своим языком и литературой, свойственное эпохе становления нации, еще не стало господствующей тенденцией, хотя в городах язык маратхи уже имеет высокую престижную и практическую ценность. Видимо, и здесь дело за развитием более широких и устойчивых хозяйственных связей.

1 мая 1960 г., выступая на митинге в Бомбее по случаю создания Махараштры (этот день отмечается в штате как День Махараштры), Джавахарлал Неру говорил: «Возник новый штат, штат Махараштра. Это прекрасный штат. Но в одной из частей этого прекрасного штата не только радуются, но и печалятся... Я имею в виду Видарбху, которая сыграла славную роль в нашей борьбе за независимость. В день, когда все мы радуемся, народ Видарбхи испытывает сомнения и опасения. Народ Махараштры должен сделать так, чтобы устранить их. Народ Видарбхи тоже должен приложить все усилия для создания единой Махараштры» [15, 95]. Из этого заявления видно, что в момент создания Махараштры местнические настроения в Видарбхе были достаточно сильны, чтобы привлечь внимание премьер-министра.

В год создания Махараштры возник Комитет движения за Наг-Видарбху, ставивший целью добиться создания отдельного штата Видарбха. В 1966 г. возник также Комитет борьбы за отдельную Видарбху. Создание этих организаций знаменовало собой изменение позиции их руководителей в отношении национальной консолидации маратхов. Если раньше требования отделить Видарбху, говорящую на маратхи, от хиндиязычного штата Мадхья-Прадеш соответствовали задачам создания маратхского национального штата, то теперь основным в их деятельности стало противопоставление маратхов одного региона маратхам другого. Один из самых активных сторонников «отдельной Видарбхи» М. С. Аней утверждает, например: «У лидеров Махараштры образ мышления экспансионистский и империалистический» [26, 17.VII.1966]. Его последователи обвиняли правительство штата в том, что оно относится к этому региону «как мачеха» и пренебрегает его интересами. Они проводили дни и недели «анти-Махараштры» под лозунгом «Долой

штат Махараштра!». Наблюдатели, изучавшие настроения в Видарбхе, отмечали: «Иногда политические лидеры, а также простые люди обнаруживают там подозрительность к чиновникам и политическим деятелям из Западной Махараштры». Из этого делается вывод, что регионы штата, и особенно Видарбха, «эмоционально не интегрированы» [26, 28.I.1965].

«Славное прошлое» времен маратхской династии Бхонсле в Нагпуре, чувство недоверия к «брахманам из Пуны» и последнему пещве, предавшему свободолюбивых маратхов, положение Нагпура как столичного города Центральных провинций и в то же время постоянные жалобы на дискриминацию со стороны хиндиязычного большинства этого региона — все эти исторические факторы создали у политической и кастовой элиты региона сложный комплекс притяжения и отталкивания в отношении остальной Махараштры.

В своем исследовании Г. С. Сингх пишет: «Регионы Бомбейский Декан и Конкан, традиционно известные как Старая Махараштра, демонстративно считают себя ядром и истоком борьбы маратхов против могольского господства; эти регионы страдают иногда „комплексом превосходства“, тогда как местные настроения в Видарбхе наряду с другими причинами вызваны, по мнению автора, „комплексом неполноценности“, возникшим после присоединения Видарбхи к Махараштре, когда Нагпур перестал быть столицей и превратился в простой провинциальный город [22, 144—145]. Можно спорить с терминологией автора, но он отразил объективно существующие настроения».

Г. С. Сингх упоминает также об «определенных этнических корнях» населения Видарбхи, что, вероятно, служит дополнительной причиной живучести местных настроений. Политически активная верхушка данного региона в традициях, обычаях, жизненном укладе и религиозной идеологии сохраняет своеобразную «генетическую память» о существовавших в древности различиях между маратхскими кланами. Это находит выражение, например, в противопоставлении высших каст Видарбхи «брахманам из Пуны».

При наличии настроений притяжения и отталкивания для сторонников отдельной Видарбхи характерна расплывчатость их аргументации и непоследовательность поведения. Руководители упомянутых комитетов часто угрожают правительству штата массовыми выступлениями и призывают выделить этот регион в отдельный штат из «уважения к чувствам народа». В то же время они выдвигают требование провести здесь референдум для «выяснения настроений народа» [13, 5.V.1966]. Требования отдельной Видарбхи гальванизируются по самым различным поводам. Когда правительство штата приняло решение о создании сельскохозяйственного университета в Ахмаднагаре (Западная Махараштра), в Видарбхе произошло

несколько выступлений за перенос этого университета в данный регион, что вызвало оживление среди здешних автономистов. В конечном итоге правительство штата решило создать четыре таких университета — по одному в каждом регионе. Предпринимались попытки расширить движение в связи с событиями в Теленгане в 1969 г., после создания штата Мегхалая в 1970 г., после предоставления статуса штата союзной территории Химачал-Прадеш и т. д.

За выделение Видарбхи выступают две организации. Несмотря на провозглашенное единство целей, они соперничают и даже враждуют между собой. На парламентских выборах 1967 г., во время муниципальных выборов в Нагпуре в 1969 г. и т. п. кандидаты этих организаций принадлежали к противоборствующим коалициям и боролись друг против друга под одинаковыми лозунгами [11, 13.II.1967; 26, 14.III.1969]. Показательно, что в ходе предвыборных кампаний эти организации не выставляли требования об отделении Видарбхи как официальную предвыборную программу. Этот лозунг использовался кандидатами «в личном плане».

В мероприятиях, проводимых этими комитетами, принимает участие, судя по сообщениям индийских газет, в лучшем случае 2—3 тыс. человек, цифра мизерная по индийским масштабам. По существу, этим комитетам ни разу не удалось провести по-настоящему массовое мероприятие. Они все больше прибегают к таким методам, как направление меморандумов и делегаций в Дели и Бомбей. Действия автономистов ограничиваются Нагпуром, не затрагивая ни деревень, ни других городов региона. Основные участники мероприятий — представители средних слоев старшего поколения, которые еще помнят, что в свое время Нагпур был столицей, и они имели гораздо больше возможностей получить место в государственном аппарате.

Торговцы Нагпура обычно игнорируют призывы комитетов к забастовкам и бандхам под лозунгом отдельной Видарбхи. Сохраняющиеся здесь региональные организации деловых кругов, например Промышленная ассоциация Видарбхи, и профессиональные — Центральное кооперативное общество ткачей Видарбхи — враждебно относятся к деятельности автономистов. Их социальная база узка и к тому же опирается на настроения, уходящие в прошлое. Показательно, что студенты, всегда готовые принять участие в массовых действиях, сторонятся автономистов. Динамичные слои региона — мелкая буржуазия, средние слои — выступают за рост хозяйственных, политических, культурных и других связей между регионами. Эти слои становятся более подвижными и заинтересованными в расширении возможностей в масштабах всего штата.

Таким образом, местнические настроения в Видарбхе (как и в других регионах штата) продолжают существовать. Но они

идут вразрез с объективным процессом консолидации маратхской нации, хотя, по-видимому, довольно долго еще будут вносить немало беспокойства в национальную жизнь штата Махараштра.

Штат Гуджарат, созданный одновременно с Махараштрой (в 1960 г.), столь же четко делится на регионы: собственно Гуджарат (или материковый Гуджарат); Саураштра, расположенная на п-ове Катхиавар, и Кач — на полуострове того же названия.

Наиболее развитым экономически является материковый Гуджарат, входивший до 1960 г. в состав штата Бомбей. Сельское хозяйство этого региона отличается высокой товарностью и интенсивным использованием земель. В 60-е годы в районе Ахмадабад — Барода вырос мощный промышленный комплекс, в котором представлены химические и машиностроительные заводы, а также предприятия по добыче и переработке нефти. За годы существования национального штата при общем росте числа предприятий на 63,8% число химических предприятий увеличилось больше чем в 2,5 раза, а машиностроительных — в 2 раза [27]¹.

Район Ахмадабада является также центром политической, общественной и культурной жизни штата. В последние 300—400 лет диалект района Ахмадабада (чаротари) прочно занял место основы литературного гуджарати. Перенос столицы из Ахмадабада в новый город Гандинагар не изменил положения в этом районе, поскольку Гандинагар расположен всего в 24 км от Ахмадабада.

Саураштра до реформы 1956 г. была штатом класса В, созданным путем интеграции более 400 феодальных княжеств и владений. Этот регион может служить наглядным примером феодальной раздробленности, тщательно сохранявшейся англичанами. Утверждают, что до ликвидации княжеств поезд Катхиаварской железной дороги на протяжении каждых десяти миль пересекал более дюжины таможенных и административных границ. В подобных условиях не могло быть и речи об устойчивых хозяйственных связях. В административных центрах княжеств — Раджкоте, Бхаванагаре и др. — возникали ремесленные центры и мелкие предприятия по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов, но их связи ограничивались пределами данного княжества. После ликвидации княжеств в регионе получило развитие производство технических культур — хлопчатника и особенно земляного ореха, под которыми занято свыше 70% обрабатываемых земель. Саурашт-

¹ За те же годы общий рост промышленного производства в штате составил 114, а сельскохозяйственного — 26%. В обзоре по штату Гуджарат говорится: «Создание отдельного штата Гуджарат было событием большого значения. Это подтверждается устойчивым прогрессом штата в области промышленного развития за девять лет его существования» [там же].

ра дает до трети всего производимого в Индии арахисового растительного масла, что приносит региону доход, оцениваемый в 200 млн. рупий, поэтому «торговцы маслом оказывают сильное воздействие на политическую жизнь Саураштры» [26, 29.VIII.1966].

За годы независимости здесь развилась мелкая и ремесленная промышленность. За 1960—1968 гг. число мелких предприятий в штате возросло с 3911 до 5669, а кустарных — с 2190 до 10 890, т. е. в 5 раз. Значительная доля этого роста приходится на Саураштру, что ведет к быстрому развитию хозяйственных связей внутри региона, а также между ним и промышленным комплексом Ахмадабад — Барода.

Богатые прибрежные районы Саураштры в раннее средневековье, например в государстве Чалукьев, служили, видимо, центром формировавшейся этнической общности гуджаратцев. Как считают лингвисты, в тот период представительным считался диалект Южной Саураштры — район Сомнатха, где был расположен знаменитый Сомнатхский храм, район порта, разбогатевшего на заморской торговле, а также район гор Гир (ныне национальный заповедник). О престижной ценности этого диалекта свидетельствует тот факт, что траматисты называли ранний гуджарати «гира апабхрамша». Саураштра пришла в упадок после нашествия Махмуда Газневидского (1026), во время которого был разрушен и разграблен Сомнатхский храм. Центр гуджаратцев постепенно переместился в глубь материка. В настоящее время население Саураштры говорит на многочисленных говорах диалекта катхиавари.

Ликвидация княжеств и создание штата Саураштра рассматривались как шаг к объединению гуджаратских земель.

В первом проекте договора об объединении княжеств говорилось, что Саураштра автоматически войдет в состав штата Гуджарат, когда такой штат будет создан. В окончательном варианте договор предусматривал проведение переговоров с другими районами, где говорят на гуджарати, о слиянии на взаимно согласованных условиях. Через семь лет после подписания этого договора Комиссия по реорганизации штатов отметила: «Влиятельные слои в Саураштре высказались в пользу присоединения к штату Бомбей» [21, 119].

К влиятельным слоям относится, во-первых, мелкая и средняя буржуазия Саураштры и выражающие ее интересы торговые палаты Раджкота, Бхаванагара и другие, заинтересованные в более емких рынках, во-вторых, интеллигенция и городские средние слои. Дело в том, что доля городского населения в Саураштре в 2 раза превышает среднеиндийский уровень. Это произошло в результате существования административных центров множества княжеств и феодальных владений. После их ликвидации перед городским населением встал вопрос о работе, о занятости. Решение его связывалось с более широкими

возможностями в объединенном Гуджарате. Выступая за присоединение Саураштры к Гуджарату, буржуазия региона требовала определенных гарантий для защиты от конкуренции более сильной экономически и политически буржуазии материкового Гуджарата. Эти гарантии предусматривали сохранение автономии региона путем объединения его шести дистриктов в возглавляемую комиссаром область, определенные нормы представительства региона в учреждениях штата, создание в Раджкоте постоянного филиала Верховного суда штата и т. п.

В июле 1966 г. политический деятель Ратилал Танна выступил в Раджкоте с заявлением, в котором потребовал отделения Саураштры от Гуджарата и превращения ее в самостоятельный штат. Это не было неожиданностью. В штате наблюдалось обострение борьбы региональных группировок буржуазии и рост недовольства в Саураштре некоторыми актами правительства штата, в частности ликвидацией поста областного комиссара, который выступал от имени региона перед правительством штата. В настоящее время к властям Ахмадабада должен обращаться глава каждого дистрикта Саураштры в отдельности, не имеющий, естественно, такого авторитета и влияния, каким пользовался областной комиссар. Особое недовольство землевладельцев вызвало повышение налога на продажу земляного ореха и запрещение свободного вывоза арахисового масла в другие районы штата и Индии. Эту, в целом прогрессивную меру, направленную на предотвращение роста цен, сочли за попытку правительства штата «разорить Саураштру». Ратилал Танна перед своим выступлением совещался с группой бизнесменов и торговцев земляным орехом и заручился их поддержкой.

Дальнейшие действия автономистов почти во всех деталях повторяют подобные же действия в Видарбхе. Заявив об отсутствии «эмоциональной интеграции» Саураштры и Гуджарата, Танна обвинил последний в том, что он пренебрегает интересами региона и относится к нему «как мачеха» [5.VII.1966]. Вообще говоря, тема «мачехи и золошки» является излюбленной для автономистов всех регионов. Следующим шагом было выдвижение кандидатов на парламентских выборах, которые выступили с требованием отделить Саураштру, и обращение к избирателям с призывом поддержать этих кандидатов вне зависимости от их партийной принадлежности. Местничество, как и буржуазный национализм, склонно ставить свои лозунги над партийными разногласиями, и в этом особенно ясно видна его классовая сущность.

На парламентских выборах 1967 г. все кандидаты-автономисты не просто потерпели поражение, но и потеряли залог, т. е. не набрали минимального числа голосов. Танна заявил о прекращении движения, «поскольку народ Саураштры равнодушен к идее отдельного штата» [26, 13.II.1967].

Вопреки ясно выраженному мнению массы избирателей деятельность автономистов не прекратилась, хотя руководство перешло в другие руки. В регионе возникла межпартийная организация «Армия львов» («Синха сена»). Местнические настроения поддерживались торговцами арахисом, недовольными экономической политикой правительства Гуджарата. «При сложившихся обстоятельствах, — отмечает газета „Таймс оф Индия“, — вряд ли может вызвать удивление тот факт, что налог на закупки и новые ограничения на перевозки ореха и масла из него, внешне направленные на удержание уровня цен, содействовали активизации автономистов» [26, 26.I.1970].

Пример Саураштры оживил местнические настроения в Каче — самой бедной и отсталой территории Гуджарата, которая до 1956 г. имела статус штата категории «С», т. е. непосредственно подчинялась центральному правительству. Здешние автономисты, опиравшиеся на поддержку феодально-княжеской «Раджпутской сабхи Кача», требовали преобразования региона в союзную территорию.

За годы существования штата Гуджарат хозяйственные связи на его территории получили большое развитие. Раньше связи материкового Гуджарата были ориентированы на Бомбей, теперь промышленный комплекс Ахмадабад — Барода сам стал центром притяжения. В штате создана единая энергосистема и введены единые тарифы на электроэнергию. Развивается транспорт. В Каче заканчивается строительство крупного морского порта Кандла и железной дороги, соединяющей этот порт с Саураштрой и магистралью Ахмадабад — Дели. Буржуазия Саураштры и Кача не прочь время от времени поддерживать местнические настроения, используя их как орудие давления на правительство штата и своих конкурентов из материкового Гуджарата, но всерьез не стремится к разделу своей национальной территории. Таким образом, местнические настроения паразитируют на реальных трудностях процесса национальной консолидации в условиях капитализма. Их питают узкие локальные интересы отдельных групп буржуазии и стремление феодальных элементов из числа бывших князей и их окружения вернуть себе влияние в новой обстановке. Для последних автономистские движения — единственный способ реализации политических амбиций, поскольку привычной исходной точкой их политического мышления остается средневековый партикуляризм.

В штате *Андрха-Прадеш* автономистское движение возникло позже, чем в Гуджарате, но в 1969 г. там произошла массовая и разрушительная вспышка беспорядков. Теленгана стала символом автономистов в разных районах Индии. Теперь при выдвижении требования об административном отделении того или иного региона инициаторы, как правило, угрожают начать движение «теленганского типа». Вспышка в Теленгане

ярко выявила характерные черты местнических настроений, поэтому пример ее особенно интересен для изучения типологии местничества и порождаемого им автономизма.

Андхра-Прадеш является преимущественно сельскохозяйственным штатом. В 1964/65 г. промышленность Андхры дала лишь 6,9% дохода штата против 18% в среднем по Индии [12, 21]. Штат делится на три региона: прибрежная Андхра, Теленгана и Раялсима.

Прибрежная Андхра — район интенсивного высокотоварного земледелия. Ее называют рисовой житницей Южной Индии; там выращивают также высокосортный виргинский табак, сахарный тростник и другие технические культуры. Этот регион занимает одно из первых мест в Индии по молочному животноводству и производству топленого масла. В городах, расположенных по побережью, развита промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья, добыча соли из морской воды, слюды и т. п. В городе Висакхапатнам создано несколько крупных предприятий химической, нефтяной и машиностроительной промышленности. Здесь расположены судоверфь и порт, обслуживающий не только Андхру, но и соседние штаты — Мадхья-Прадеш и Ориссу. Внутрихозяйственные связи региона развиты хорошо. До последнего времени он тяготел к мадрасскому экономическому району, лишь в годы независимости, особенно после создания штата Андхра, начали развиваться межрегиональные хозяйственные связи.

Теленгана до 1956 г. входила в состав княжества Хайдарабад. Это отсталый в экономическом и социальном отношении регион, страдающий от частых засух и засилья феодальных отношений. В регионе постоянно ощущается дефицит продовольствия. Межотраслевые хозяйственные связи и транспортная система внутри него развиты слабо. Города до сих пор остаются изолированными хозяйственными единицами, поскольку их промышленность и ремесла базируются на сырье, производимом в прилегающих районах.

Особое место занимает город Хайдарабад — центр Теленганы и столица штата, где за годы независимости созданы крупные, главным образом государственные машиностроительные, химические, оборонные и другие предприятия. Он превращается в крупный промышленный комплекс, центр тяготения других районов. В Теленгане найдены богатые запасы различных видов минерального сырья — угля, железной и медной руды, известняка и др.

Раялсима — один из самых отсталых, засушливых районов Индии с низкими доходами населения, значительная часть которого составляют племена, живущие в гористых районах.

Хозяйственные связи между регионами Андхры развиты недостаточно и не отличаются прочностью. Каждый из регионов сохраняет свою структуру хозяйства и земельных отношений.

Однако экономически регионы Андхры удачно дополняют друг друга. «Штат и составляющие его регионы представляют собой взаимодополняющую экономическую структуру. Порттовый город Висакхапатнам, порты Какинада и Масулипатам, богатые леса вдоль всей границы штата от Срикакулама до Адилабада, плодородные долины рек Годавари и Кришны, благодатные земли дельты, минеральные богатства Раялсимы, угольный и индустриальный потенциал Теленганы — все это составляет весьма завидные компоненты взаимодополняющей экономики» [12, 37].

Национальный совет прикладных исследований Индии на основе социально-экономического обследования Андхры разработал план сбалансированного экономического развития регионов штата. Для его осуществления требуются капиталовложения в размере почти 2,5 млрд. рупий. Индийские исследователи подчеркивают, что успешная реализация экономических потенций каждого из регионов и преодоление неравномерности их развития возможны лишь в рамках крупной административной единицы, позволяющей оперировать значительными средствами, причем национальный характер этой единицы будет дополнительным фактором развития. Но каждый из регионов, взятый в отдельности, не может решить этих вопросов [см.: 18, 24.V.1969].

Этот вывод уже подтвержден экономическим прогрессом штата. В Андхра-Прадеше приняты меры по развитию бассейна рек Кришны и Годавари в интересах всего штата. «Маленькая Теленгана не смогла бы этого сделать. Как регион, хронически страдающий от недостатка продовольствия, она также выиграла, получая часть излишков продовольствия из прибрежной Андхры» [24, 21.I.1969].

Таким образом, ускоренное создание общности хозяйственной жизни и национальная консолидация андхров опираются на объективные экономические предпосылки. Но развитие по капиталистическому пути с присущими ему противоречиями и сохранение полуфеодальных отношений в деревне задерживают этот процесс. Пока сохраняются изолированность и неравномерность развития регионов, остаются и условия для местных настроений.

Уже на самых начальных этапах национального движения андхров существовали трения между политическими верхушками прибрежной Андхры и Раялсимы. Трения проявились в 1937 г., во время заключения «пакта в Шри Багхе» между представителями этих регионов. Пакт предусматривал, что в случае создания штата Андхра в Раялсиме будет находиться либо столица (действительно, в 1953—1957 гг. столица находилась в этом регионе, ею был Карнул), либо Верховный суд штата, а также создан университет в г. Анантпур и построена ирригационная система Тунгабхадра. Рам Гопал отмечает и

лингвистический момент в трениях между этими регионами: «Дистрикты Раялсимы, в большинстве своем двуязычные, находившиеся под сильным влиянием хиндустани и расположенные на границе с Тамилнадом, естественно, были менее заинтересованы в присоединении к одноязычной единице» [20, 83].

Присоединение Теленганы к Андхре в 1956 г. было оформлено на аналогичной основе. Представители ведущих политических сил этих регионов подписали так называемое джентльменское соглашение, в котором оговаривались права политической верхушки Теленганы: представительство в Законодательном собрании штата, создание Постоянного регионального совета с правом приостановки законодательства, затрагивающего интересы региона, сохранение правил «мульки», т. е. домицильных ограничений при занятии низших должностей в государственном аппарате, и т. п. Правила «мульки», принятые еще администрацией низама, предусматривали, что для занятия должности на службе князя нужно было прожить в княжестве не менее 15 лет. Это было средство защиты мусульманской аристократии от конкуренции со стороны более образованных и энергичных выходцев из других провинций.

«Джентльменское соглашение», как видно из его условий, защищало права не всего населения региона, а лишь верхушки, стоявшей у власти. За годы пребывания региона в составе штата Андхра «никто не слышал, чтобы лидеры Теленганы открыто и громко говорили о своих обидах, пока они находились у власти» [18, 5.VII.1969]. Когда в Теленгане вспыхнуло недовольство, подписавшие соглашение «джентльмены», потерявшие власть в ходе фракционной борьбы, немедленно выдвинули автономистские лозунги и начали пропаганду, используя обычный для автономистов мотив «мачехи и золушки».

Несомненно, объединение в рамках национального штата всех андхрских территорий отвечает интересам этого народа. Однако объединение, за которое боролись народные массы андхров, было осуществлено путем договоренности между собой буржуазно-помещичьих верхушек регионов. Специальный корреспондент еженедельника «Мейнстрим», находившийся в Теленгане в разгар событий, высказал интересную мысль. В 1946—1948 гг. в княжестве Хайдарабад шла борьба теленганских патриотов против низама и его наемных карателей — разакаров. Одним из лозунгов этой борьбы было требование ликвидации княжества и присоединение Теленганы к говорящим на телугу жителям Андхры. Борьбу поддерживали андхры из прибрежных дистриктов. Центр ее находился в андхрском городе Виджаявада, где укрывались бежавшие от преследований низама патриоты-теленганцы. «Если бы объединение двух регионов, — пишет корреспондент, — произошло в результате этой борьбы, то получился бы союз на уровне простых людей и последствия его были бы совсем другими. Сей-

час это верхушечный союз конгрессиистских лидеров двух регионов, которые прежде всего заинтересованы в сохранении своих политических позиций и защите классовых интересов» [18, 8.II.1969].

Вспышка волнений в Теленгане в 1969 г. четко делится на два этапа. До марта напряженное положение в регионе было обусловлено общими для всей страны причинами. Три года подряд в Теленгане, как и в других районах страны, свирепствовала засуха, повлекшая за собой острую нехватку продовольствия. Как и вся Индия, Теленгана переживала период затяжного экономического спада, который сопровождался ростом безработицы, цен и инфляцией. В городах ширилось забастовочное движение, активизировались студенты. Усилилась напряженность в деревнях.

«В связи с общим экономическим застоєм наблюдался спад и в экономике Андхры. Сотни инженеров были уволены. Тысячи получивших образование молодых людей не могли найти работы. По сравнению с Теленганой проблема безработицы, вероятно, более остро стоит в прибрежной Андхре и Раялсимае», — писал еженедельник «Мейнстрим» [18, 5.VII.1969].

К моменту вспышки в Хайдарабаде уже было напряженное положение в связи с забастовкой государственных служащих низших категорий. Получая небольшую заработную плату, они особенно страдали от роста цен и инфляции. На первом этапе борьба носила не местнический, а социально-экономический характер с некоторым местническим подтекстом. Например, наряду с требованиями о повышении заработной платы выдвигалось требование о продлении правил «мульки» и гарантий служащим Теленганы, срок действия которых истекал в марте 1969 г.

Соперничество между служащими Андхры и Теленганы и вопрос о гарантиях ведут начало с 1952 г., когда вместе с индийской армией, пришедшей в Хайдарабад во время так называемой полицейской акции, прибыло значительное число гражданских чиновников из Андхры, взявших в свои руки административное управление регионом и высокомерно относившихся к местному населению. В результате борьбы служащих Теленганы было принято решение о предоставлении им ряда гарантий. Этот вопрос снова возник после реорганизации штатов в 1956 г. Некоторые штаты, например Майсур, были объявлены *новыми*. В них вырабатывались и принимались законы и правила, учитывавшие интересы представителей различных регионов, т. е. эти регионы в составе нового штата ставились в равноправное положение. Слияние Теленганы и Андхры произошло как *присоединение* первой к *старому* штату Андхра, что означало распространение на Теленгану законов и правил, действующих в Андхре. Если учитывать отсталость Теленганы, то эта операция ставила регион и его служащих в неравно-

правное положение. Более образованная и опытная интеллигенция Андхры заняла ведущее положение в государственном аппарате.

Следует также учитывать обостренную чувствительность теленганцев в этом вопросе. В княжестве Хайдарабад служба оставалась привилегией мусульманской аристократии. Непременным условием было знание официального языка урду, что создавало для теленганцев-телугу дополнительные трудности, которых не существовало для чиновников в Андхре. После слияния служащим-теленганцам снова пришлось переучиваться. «При режиме низама, — писал журналист Н. Гопинатхан Наир, — теленганцев сознательно не допускали на государственную службу, где они составляли менее 10%. Народ Теленганы надеялся, что после „полицейской акции“ центра положение изменится. Но, к их разочарованию, в княжество хлынул поток аутсайдеров» [19, 7.V.1969]. Неприязнь между мелкобуржуазными прослойками прибрежной Андхры и Теленганы наблюдается и в настоящее время. «Теленганские сепаратисты утверждают, что андхры считают себя выше по положению. По мнению теленганцев, андхры замкнуты, заносчивы, грубы и неотесанны. В их поведении проявляется высокомерие, подкрепляемое уверенностью в том, что теленганцы — бедные родственники, которым еще предстоит подняться на более высокую ступень цивилизации. Видный конгрессист, депутат парламента от Теленганы, считает, что такое отношение возникло еще в то время, когда Индия была разделена на британскую и туземную. Население Британской Индии, вернее, интеллигенция из средних слоев и правящая элита, — утверждает он, — испытывали невысказанное, возможно, неосознанное презрение к населению туземной Индии» [26, 4.V.1969]. В подобных условиях существование местнического подтекста в социально-экономической борьбе теленганских служащих не могло быть неожиданным.

Основной движущей силой беспорядков в Теленгане были студенты и учащиеся старших классов. «Студенты особенно активно агитировали за Теленгану главным образом из страха, что в конце обучения они обнаружат: большая часть постов, ради которых они учились, занята молодыми людьми из дистриктов прибрежной Андхры» [26, 1.IX.1969].

Профессор Османского университета Н. В. Тиртха провел обследование среди студентов колледжей и учащихся средних школ Хайдарабада. «Студенты из Теленганы (группа, говорящая на телугу), — пишет он, — продемонстрировали значительно большую степень враждебности к студентам из Андхры (также говорящим на телугу), чем к другим лингвистическим группам, говорящим на тамили или каннада. Обследование, проведенное вскоре после создания штата Андхра-Прадеш, когда жители Теленганы все еще с подозрением относились к

жителям Андхры из прибрежных районов и ощущали на себе их превосходство, подтверждает, что связь экономических и политических мотивов придает лингвистическим и другим формам социальных противоречий особую остроту и резкость [25, 18]. Тиртха правильно подчеркивает, что враждебность обнаружена в отношениях между студентами разных регионов *одного* национального района, говорящих на *одном* языке — телугу.

Попытка некоторых политических деятелей найти диалектные различия там, где их, в сущности, нет, или использовать их как аргумент в пользу отделения региона от национального района встречают резкое осуждение. «Интересно отметить, — пишет журналист под псевдонимом Оса, — что один из представителей элиты, который присоединился к движению (теленганских сепаратистов. — Б. К.) довольно поздно, попытался компенсировать потерянное время путем заведомо смехотворного утверждения, что движение за сепаратную Теленгану справедливо, поскольку, хотя алфавит един, разговорный язык в регионах разный» [18, 21.VI.1969].

Журналист и социолог Ашок Чанда в статье о лингвистических штатах, опубликованной в приложении к газете «Стейтсмен» по случаю Дня независимости, писал, что диалектные различия между тремя регионами Андхры — Теленганой, Раялсимой и Дельтой — затрудняют общение между населением этих регионов [24, 16.VIII.1966]. Другой автор из штата Андхра-Прадеш, Д. В. Рама Рао, не замедлил опровергнуть Ашока Чанду: «Современные книги на телугу одинаково понятны во всех трех регионах, упомянутых Ашоком Чандой. Равным образом периодика, кинофильмы и радиопередачи на телугу одинаково понятны для всех андхров, поскольку существует общий стандарт языка. Более того, по языку довольно трудно определить, из какого региона происходит тот или иной андхра» [там же]. Если учесть, что в сепаратистских движениях участвуют преимущественно образованная часть мелкой буржуазии и городских средних слоев, а также политическая элита, которые в общении пользуются именно стандартным литературным языком, то диалектные различия вообще отступают на задний план.

С. Ч. Дубе, давая подробное описание деревни, расположенной в Теленгане, в 25 милях от г. Хайдарабад, отмечает: «Преобладающим языком в деревне Шамирпет является телугу — основной язык Теленганы и Андхры... Однако образованные андхры критикуют диалект, на котором говорят в Шамирпете и вообще в сельских районах, за жесткое и грубое произношение» [8, 19]. Иными словами, здесь выявляется социально-классовое отношение образованной части населения к «грубому» крестьянскому языку вообще, а не к данной его диалектной разновидности. Если учитывать все лингвистические моменты, то следует отметить, что в городах Теленганы извест-

ное распространение имеет урду (в форме дакхн). Однако представители мусульманской общины, подчеркивающие свою заинтересованность в закреплении позиций урду, не участвуют в движении теленганских сепаратистов.

Проблема безработицы среди образованной части населения в Теленгане острее, чем в других районах Индии, поскольку в этом регионе система образования развивалась особенно интенсивно: с 1956/57 до 1966/67 г. число учащихся старших классов в Теленгане возросло с 82 тыс. до 440 тыс., т. е. на 536% (в других регионах Андхры — на 200—227%), а число студентов колледжей — с 12 тыс. до 37 тыс., или на 308% (в других регионах — на 137—200%) [12, 17—18]. Однако потребность в образованных людях значительно отставала от темпов их появления на рынке рабочей силы. К тому же теленганды испытывают конкуренцию со стороны прибрежных андхров.

Волнения студентов начались в январе 1969 г. в дистриктах Теленганы и лишь через некоторое время возникли в Хайдарабаде. Единственным требованием студентов было строгое соблюдение гарантий, предоставленных региону «джентльменским соглашением». В основном студенческое движение было направлено не против властей вообще, а против министров, представлявших в правительстве штата Теленгану, но не боровшихся за интересы региона. Чучела этих министров сжигались студентами на улицах городов. Лишь через какое-то время небольшая группа студентов Османского университета, находившаяся под влиянием партии Джан сангх, выдвинула лозунг отдельной Теленганы. Сразу же начались острые столкновения между студентами — сторонниками соблюдения гарантий и автономистами, поскольку среди студенчества растет понимание того, что будущее молодых людей связано с возможностями свободного передвижения рабочей силы, а не с изоляцией ее в узких рамках региона.

В марте начался второй этап студенческого движения, когда руководство им взяли в свои руки политические деятели из правящей партии, которые потерпели поражение во фракционной борьбе и рассчитывали вернуть себе власть и влияние в случае создания отдельной Теленганы. Движение приняло разрушительный характер.

Автономисты получили поддержку со стороны крупной гуджаратско-марварийской буржуазии, имевшей в Теленгане довольно сильные позиции. Интересы этой группы все чаще приходили в столкновение с андхрской буржуазией, быстро росшей после создания штата. «Бизнесмены и промышленники из Уттар-Прадеша, Гуджарата и Раджастанха, — утверждал в парламенте депутат от Андхры, — которые в течение длительного времени доминируют в экономике Теленганы и ревниво относятся к предпринимателям из прибрежной Андхры и Раял-симы, спровоцировали недавние волнения в надежде на то, что

они смогут восстановить свое прежнее господство в отдельной Теленгане» [26, 2.IV.1969].

Опорой автономистов стала также старая хайдарабадская аристократия и помещики, утратившие свое политическое влияние в городе и постепенно вытесняемые из деревни. «Созданные на лингвистической основе штаты нарушили равновесие между политически активными общностями, — пишет Б. К. Р. Кабад. — Некоторые из нынешних проблем Андхры коренятся еще в монополии на власть, захваченной богатыми крестьянами-собственниками из более развитых по образованности жителей дистриктов, ранее входивших в управляемый англичанами район» (т. е. в прибрежную Андхру) [26, 3.V.1969].

После объединения андхрских территорий начался приток в Теленгану зажиточных фермеров из прибрежных районов с высокой плотностью населения и сильным земельным голодом. Фермеры скупали дешевые земли в Теленгане и налаживали на них современное капиталистическое хозяйство. Приток фермеров с годами увеличивался, что привело к постепенному изменению социальной структуры теленганской деревни. В феодальном Хайдарабаде деревня отличалась наличием полярных классов. На одном полюсе стоял помещик, как правило, мусульманин, живший в городе и служивший у князя, на другом — нищий, забитый и бесправный арендатор-телугу. Зажиточный крестьянин был редкой фигурой в Теленгане. Помещик, опиравшийся на управляющих и деревенских должностных лиц, обладал непререкаемой властью и политическим влиянием. Появление зажиточного фермера изменило расстановку сил. Он постепенно забирает в свои руки деревенские органы самоуправления (панчаяты), занимает руководящее положение в кооперативах, определяет общественное мнение деревни. Власть и влияние живущего в городе помещика падают.

Как известно, развитие капиталистического земледелия ведет к сгону арендаторов с земли, повышению арендной платы, усилению эксплуатации, что вызывает недовольство коренного населения. Это недовольство пытались использовать помещики, натравливая арендатора на фермера-чужака. Столкновению классовых интересов придан был местнический характер.

Теленганская деревня, однако, равнодушно отнеслась к автономистским лозунгам. Более того, в разгар попыток автономистов снова вызвать беспорядки коммунисты с успехом провели в Хайдарабаде в конце февраля 1970 г. демонстрацию под лозунгами борьбы за землю. В ней приняло участие более 25 тыс. крестьян и сельскохозяйственных рабочих из *всех регионов* штата. Показательно, что одним из лозунгов демонстрации было требование сохранить единство Андхры [19, 27.II.1970]. Следует подчеркнуть, что Коммунистическая партия Индии и ее андхрская и теленганская организации после

довательно и твердо выступают против автономистского движения.

Что касается рабочих Теленганы, то лишь очень незначительная их часть оказалась вовлеченной в волнения. 1 февраля в г. Срисейламе (дистрикт Карнул, Раялсима) произошло столкновение между шахтерами-теленганцами и андхрами [24, 2.II.1970]. В другом городе шахтеров — Беллампалли (дистрикт Адилабад, Теленгана) рабочие-теленганцы напали на дом управляющего из прибрежной Андхры [14, 2.II.1969]. В ходе волнений три главных профсоюзных объединения штата опубликовали совместное заявление, в котором говорилось: «Мы убеждены в том, что лозунг отдельной Теленганы противоречит интересам народа Теленганы, поэтому мы призываем рабочий класс не участвовать в забастовке и других отвлекающих внимание мероприятиях» [26, 3.II.1969]. В дальнейшем участие рабочих носило эпизодический характер.

Беспорядки в Теленгане 1969 г. нередко выходили из-под контроля организаторов и выливались в разнузданное насилие, когда в них принимали участие деклассированные элементы, составляющие в индийских городах довольно большую прослойку. Для восстановления порядка власти неоднократно вызывали воинские части и подразделения резервной полиции. Десятки людей были убиты. По оценке правительства штата, ущерб, нанесенный собственности только с января по июль 1969 г., составил колоссальную сумму — 520 млн. рупий [14, 20.X.1969]. Грабежи лавок и жилищ, разорение виноградников и усадеб, поджоги железнодорожных станций и автобусов — все это напугало обывателя и оттолкнуло его от автономистов. Движение явно пошло на убыль и начало затухать к концу 1969 г.

Как и в других регионах, чем заметнее становилась никчемность местнических лозунгов, тем резче выявлялись разногласия в руководстве автономистов. Когда в середине 1970 г. автономистской организации «Народный комитет Теленганы» не удалось даже начать широко разрекламированную «последнюю и решительную» кампанию за отделение Теленганы, в ее руководстве возникли раздоры, закончившиеся расколом на три враждующие фракции. На дополнительных выборах в Законодательное собрание штата в городском округе Хайдарабад борьбу между собой вели три кандидата-автономиста. В конечном итоге деятельность автономистов свелась к замене номерных знаков на автомашинах. Вместо государственных знаков с шифром А(ндхра)РХ автономисты изготовили и повесили свои — с шифром Т(еленгана)РХ.

Руководство одной из фракций «Народного комитета Теленганы» решило преобразовать его в политическую партию, что еще больше усугубило раскол в среде автономистов и было расценено как переход от массовой борьбы к обычной

верхушечной схватке за депутатские места и министерские портфели. Часть лидеров комитета вернулась в Индийский национальный конгресс после того, как им были сделаны некоторые уступки: главным министром штата стал представитель Теленганы, депутаты от этого региона получили право сами принимать решения относительно ассигнований и планов его развития. Одна из фракций комитета заявила о своем намерении продолжать борьбу за отдельную Теленгану, но она явно не пользовалась поддержкой населения: во время выборов в 1972 г. в Законодательное собрание Андхра-Прадеша она получила всего 2 депутатских места из 287.

События в Теленгане создали в штате такую атмосферу, что стали возможными выступления в пользу выделения в отдельный штат другого региона — Раялсима, а также выдвижение других требований местнического характера. Например, независимый депутат Законодательного собрания штата Б. Папи Редди заявил, что, если будет создана отдельная Теленгана, он потребует выделения в штат дистрикта Неллору [12].

* * *

Выступления в пользу выделения Теленганы, Видарбхи и Саураштры происходили в одноязычных штатах, где существуют сильные националистические настроения и ощущение своего единства в противопоставлении другим штатам. Большинство индийских политических обозревателей и ученых сделало именно такой вывод из событий в Теленгане. «Если нынешние волнения в Теленгане и дают какой-либо урок, — отмечает специальный корреспондент еженедельника „Мейнстрим“, — то он сводится к тому, что единство народа двух регионов цементируется не только общим языком и общей культурой, но и чем-то большим. Само создание лингвистических штатов было вызвано исторической необходимостью покончить с политикой англичан „разделяй и властвуй“, объединить народ, принадлежащий к одной культурно-лингвистической группе, но разделенный между различными провинциями. Сделав это, необходимо было принять меры к развитию каждого штата, чтобы ликвидировать наследие иностранного господства — неравенство — и обеспечить равномерный прогресс всех регионов» [18, 8.II.1969]².

Обозреватель Нандан Кагаль выводит следующее заключение из событий в Теленгане: «Хотя языковая связь достаточно сильна, чтобы объединить штат в его отношениях с другими

² В передовой статье газеты «Индиан экспресс» от 30 апреля 1969 г. говорится: «События в Андхре показали, что общий язык не обязательно представляет собой прочное связующее звено».

штатами или центром, она не достаточно сильна, чтобы добиться равенства в развитии регионов внутри штата» [14, 27.III.1969].

Местнические настроения паразитируют на отсталости и недостаточном развитии хозяйственных связей внутри национального района. Очевидно, что преодоление этих настроений зависит от широкого развития таких связей, от устранения раздражающих моментов, способствующих сохранению чувства неравноправности, дискриминации.

Существуют также факторы социально-психологические, обусловленные историческими причинами и мешающие утверждению приоритета национального сознания над региональным. Память о прошлом данного региона при недостаточном развитии хозяйственных связей и не определившемся стремлении населения к обладанию национальным языком и его литературой позволяет отдельным группам спекулировать даже на диалектных различиях в системе национального языка для нагнетания местнических настроений.

Опыт Индии и других развивающихся стран показывает, что постепенное выравнивание регионов в области экономического развития не приводит к немедленному устранению местничества и автономизма, ибо еще долго остаются трения между элитарными группами регионов, приспособляющими свои притязания к новым условиям. Инерция этих настроений действует в течение длительного времени, если не происходит быстрого развития хозяйственных связей и ломки средневековых пережитков, сопровождающихся свободной и широкой группировкой населения по классам. В ходе такой группировки происходит вытеснение старых элит, опирающихся на пережиточные экономические и общественные отношения, которые затрудняют свободное национальное развитие.

После индийско-пакистанского военного конфликта 1971 г., а также по мере нарастания напряженности во внутривнутриполитической борьбе в Индии в 1973—1975 гг. местнические движения либо резко пошли на убыль, либо прекратились совсем. Они были как бы «перекрыты» внутривнутриполитической борьбой, которая развертывалась в масштабах всей страны и велась вокруг кардинальных проблем дальнейшего социально-экономического и политического развития Индии.

В такой обстановке местнические лозунги не находили ни поддержки, ни положительного отклика. Они были слишком мелки по сравнению с теми проблемами, которые волновали население каждого района Индии. События первой половины 70-х годов, как и опыт предыдущих лет политической борьбы в независимой Индии, свидетельствуют о том, что борьба с местническими движениями, которые в условиях современной Индии носят ярко выраженный реакционный характер, по принципу «клин клином вышибают» бесперспективна. Речь

идет о том, что нагнетание националистических настроений в каком-либо лингвистическом штате путем противопоставления его соседям или центру отнюдь не подавляет местнические элементы в регионах этого штата, а, скорее, активизирует их, подталкивает к практическим действиям. С другой стороны, решительная борьба за коренные интересы народных масс вне зависимости от того региона, где они проживают, выбивает почву из-под ног местнических сил, наглядно демонстрирует корыстный характер их лозунгов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дешпанде С. Д. Западная Индия. М., 1956.
2. Казаков В. И. Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии. М., 1967.
3. Княжинская Л. А. Западная Индия. М., 1959.
4. Павлов В. И. Формирование индийской буржуазии. М., 1958.
5. Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан. М., 1957.
6. Шарма Т. М. Размещение промышленности в Индии. М., 1958.
7. «Amrita Bazar Patrika». Calcutta.
8. Dube S. C. Indian Village. Bombay, 1967.
9. «Eastern Economist». Delhi.
10. «Economic Times». Bombay.
11. «Free Press Journal». Bombay.
12. Gour R. B. Telengana Tangle. The Communist Approach. Delhi, 1969.
13. «Hindustan Times». Delhi.
14. «Indian Express». Delhi.
15. Jawaharlal Nehru's Speeches, vol. IV, 1957—1963. Delhi, 1964.
16. Katre S. M. Prakrit Languages and Their Contribution to Indian Languages. Poona, 1964.
17. «Link». Delhi.
18. «Mainstream». Delhi.
19. «Patriot». Delhi.
20. Ram Gopal. Linguistic Affairs of India. Bombay, 1966.
21. Report of the States Reorganisation Commission. Delhi, 1955.
22. Singh G. S. Maratha Geopolitics and the Indian Nation. Bombay, 1966.
23. Srinivas M. N. Is the Sun Setting? — «Seminar». Delhi, February 1967.
24. «Statesman». Delhi.
25. Thirtha N. V. National Integration (A Study in Social Foundations in Education). Jullundhur — Delhi, 1964.
26. «Times of India». Delhi.
27. «Times of India». Gujarat Day Supplement, 1.V.1969.